

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

**УШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1972**

p. 650b, 320a.

4) Paul de Lagarde. Gesammelte Abhandlungen. Leipzig, 1866, S. 53, N 140.

5) I. Gershevitch. Amber at Persepolis. *Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata*. II, Roma, 1969, p. 201.

6) M. Mayrhofer. neuere Forschungen zum Altpersischen. "Donum indogermanicum". Festgabe für Anton Scherer zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1971, S. 50 Anm. 35.

7) Об отражении $dr > hr$ см.: P. Horn. Neupersische Schriftsprache. G. d. Ir. Ph., I, 2. Abt. S. 95, § 42, N 3; M. Schwartz. On the Vocabulary of the Khwarezmian Muqaddimat Al-Adab, as edited by J. Benzing. ZDMG., 120, Heft 2, 1970, S. 298.

8) См.: I. Gershevitch, op. cit., p. 199 (Kapura).

9) I. Gershevitch, op. cit., p. 181.

10) I. Gershevitch, op. cit., p. 199.

11) I. Gershevitch, op. cit., p. 236.

12) I. Gershevitch, op. cit., p. 237.

А. М. Газов-Гинзберг

ИМЕНА-ПОВТОРЫ СО ВСТАВКОЙ -М- В НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Повтор имен существительных типа "слов-эхо" со вставкой -М-, имеющий значение \approx "некто (некто) и ему подобное", характерен для ряда языковых семей, признаваемых неродственными и не соприкасавшихся друг с другом. Указанный вставной звук стоит либо в начале 2-го компонента, вытесняя его первый согласный, либо после этого согласного.

Этот тип повтора обычен в тюркских языках, где он "в семантическом отношении... приближается к сочетаниям типа... 'книги и тому подобное'" (Р. А. Аганин), напр. at 'лошадь' - at-mat (узб. от-мот) 'всякие лошади (и т.п.)', biçak 'нож' - biçak-miçak (узб. пичок-мичок) 'ножи и т.п. инструменты', tuz 'соль' - tuz-muz

'соль и т.п. специи' и т.д. Реже так выражается лишь возможность подобия, напр. Selim-melim 'Селим или что-то вроде' (≈ 'какой-то Селим'), обычно с пренебрежительным оттенком.

Точно так же образуются эти повторы в трех дравидских языках (З. и Ю. Индостан), имея то же самое "значение множественности и неопределенности" (М.С. Андронов), напр. брами 'ullī 'лошадь' - 'ullī-mullī 'всякие лошади (и т.п.)', ugā 'дом' - ugā-mugā 'всякие дома и т.п. строения', найки араг 'дом' - араг-шараг 'всякие дома и т.п.', колами kūtēl 'корова' - kūtēl-mūtēl 'всякие коровы и прочий скот'.

Известны подобные слова-эхо и в малайско-полинезийской семье. Напр., индонез. sajur 'овощ' - sajur-majur 'всякие овощи', особенно же часто со вставкой инфикса -em- [эм]; они "выражают значение разнообразия, коллективности" (А.С. Теселкин), напр. tali 'веревка' - tali-temali 'разные веревки, корабельные снасти', gunung 'гора' - gunung-gemungung 'разные горы, горная цепь'; с гласным началом ср. awan 'облако' - awan-k/gemawan 'облака, тучи' (добавление k/g сохраняет инфикс).

В индоевропейской семье, что касается ее западной части, подобные пары встречаются лишь эпизодически: ср. рус. фи́гли-ми́гли (от польск. figiel 'мутка'), и функция их лишь приблизительно аналогична. Их больше в индоиранской ветви, особенно в таджикском, курдском, что предполагает тюркское влияние. То же можно видеть в армянском, (напр. ban 'вещь' - ban-man 'всякие вещи'). Это же наблюдается в грузинском, в бурмаски.

З тюркологии высказывалось предположение, что такие слова могли выйти из повтора со вставкой вопросительной частицы mi, mi и т.п. Однако распространенность явления по разным семьям, склонность при этом к искажению 2-го компонента, а также случаи инфиксации в нем заставляют искать более общее решение, кроющееся в межъязыковой символике звука.

Несомненно связь рассмотренных именных "слов-эхо" с простым повтором имени для обозначения множества. Ведь в значении этих "слов-эхо" также обычен элемент множественности ("предмет и ему подобные").

Зачатки передачи множества путем простого повтора имени имеются едва ли не в каждом языке: ср. рус. "(всё) песок, песок...", или "гóры, гóры..." Ср. также случаи, переводимые на рус. язык со

словом "всякий = каждый", напр. древнеевр. 'îṣ (w)'îṣ 'всякий человек'. Грамматическое мн. число по этому образцу обычно в малайско-полинезийской семье, напр. индонез. orang-orang 'люди', некоторых негрских и др. языках. В языке хауса (окраина семито-хамитской семьи) этот способ обычен для коротких имен, напр. 'ya'ya 'дети', iri-iri 'разновидности', в более длинных повторяется лишь конец слова. Ср. древнеевр. re/rî 'рот' - 'лезвие' (меча) - rîrîîot 'оба лезвия' (повтор + окончание мн.ч.). Повтор = мн.ч. нередок в тюркских (узб., якут.). В кит. языке, где этот способ вообще не характерен, он сохранился в слове wǐnǐn 'звезды' - древнейший символ большого множества.

Однако мн. число, включая образование путем символического повтора, передает множество теоретически одинаковых объектов. Чтобы символически указать на неполную одинаковость, разнородность их, наиболее естественно фонетически варьировать 2-й компонент. Один из простейших способов такого варьирования - изменение гласного, напр. тур. bösek-büsek 'разные букашки', татар. тимер-томор 'разные железки, скобяные изделия, металлолом', индонез. gunung-ganang '(разные) горы' (горы всегда индивидуальны) и т.п.

Другим простейшим способом такого варьирования могла быть назализация 2-го компонента или его начала. Видимо, в любом языке существует нефонологическая назализация для выражения некоторых эмоций и т.п. Такая назализация могла затем закрепиться в виде носового согласного. Ср. индонез. gunung-gunung 'горы', gunung-ganang '(разные) горы', gunung-gemung 'разные горы и холмы, горная страна, хребет'.

Между прочим, подобное разнообразие вносит вставка -ш- и в повторы-звукоподражания (напр. тур. takir-makir о стуке разного тона, индонез. guruh-gemuruh о грохоте).

Конечно, наблюдается подобное варьирование и путем иных замен согласных (тюрк. - b/p - наряду с -ш-, в ряде дравидских - k/s -, ср. вставку -k- в моруба и т.д.), а иногда согласных и гласных вместе, но эти варианты распространены по языкам менее, чем рассмотренные выше.

Итак, имена - повторы со вставкой -ш- (и близкие к ним) со значением "некто (некто) и ему подобное" являются еще одним следом или разновидностью древнейшего символического повтора имени для указания на множество, причем варьирование второго компонента

также символически указывает на неполную одинаковость объектов.

В.Г.Гузев, Д.М.Насилов

О СООТНОШЕНИИ ТИПОВ ИЗАФЕТА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Практика исследований в области тюркского языкознания убеждает в том, что несмотря на наличие сложившихся традиций в описании и истолковании грамматических категорий тюркских языков и достигнутых результатов, исследователи снова и снова возвращаются к пересмотру казалось бы устоявшихся положений.

Иллюстрацией этого может служить продолжающаяся разработка учения об изафете в тюркских языках. Это вызвано рядом причин. В качестве одной из них назовем осознание необходимости использовать общий прогресс языкознания и в тюркологических исследованиях.

В последнее время к вопросу об изафете обращались С.Н.Иванов ("Родословное древо тюрк" Абул-Гази-хана), Ташкент, 1969) и Н.З.Гаджиева (Природа изафета в тюркских языках. - "Советская тюркология", 1970, № 2).

С.Н.Иванов интерпретирует изафет в староузбекском языке через призму устанавливаемых им общих свойств тюркского имени существительного: способности совмещать в себе значения единичного предмета данного класса (конкретной предметности) и обобщенного названия данного класса предметов (отвлеченно-предметное, предметно-качественное значение). Род.падеж в функции "прилегающего" определения (изафет III) трактуется им как форма определения с конкретно-предметным значением, основной падеж в этой функции (изафет II) предстает как форма определения с отвлеченно-предметным значением.

Н.З.Гаджиева рассматривает изафет на общетюркологическом материале и в плане исторического синтаксиса. Она считает целесообразным изучать изафет "как с грамматической, так и с логической точки зрения" (Указ.соч., стр.9). В своей статье она освещает вопросы генезиса изафетных конструкций, их исторической последовательности, семантические и функциональные особенности каждого типа. Н.З.Гаджиева справедливо отмечает, что сущность изафета остается недостаточно раскрытой.

Изафет в турецком языке трактуется в таких известных рабо-